Юля Рувински
Илья Рувински

Вероятность Бога

18+

Илья Рувински

Вероятность Бога

«Автор»

2026

Рувински И.

Вероятность Бога / И. Рувински — «Автор», 2026

Цивилизация, давно оставившая тела, наблюдает за ветвями реальности из места, где нет времени. Она не правит и не карает. Она ищет точки, в которых малое воздействие меняет ход истории, — слово, сказанное вовремя, случайную встречу, вещь, попавшую в нужные руки.Одна такая вещь попадает к храмовому крысолову из Лимариса. Вскоре его сын начинает слышать голос, который не называет себя ни богом, ни духом, и уходит из родного города.Роман прослеживает, как один разговор отзывается через века: в пустыне, в Пятиградии, при дворе правителей Кемета — и в работе учёных наших дней, которые читают оставленные рукописи.Это книга о том, остаётся ли выбор за человеком, если кто-то другой заранее считает вероятности.

© Рувински И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 5
Глава первая 5
Крысолов 5
Побег 8
Баграт 10
Пять лет 12
Находка 13
Голос 14
Глава вторая 15
Субстрат 15
Агрессоры 16
Наблюдатели 17
База 18
Контакт 19
Глава третья 20
Имя 20
Арис 22
Решение 23
Глава четвёртая 25
Методы 25
База 27
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Илья Рувински, Юля Рувински
Вероятность Бога

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Крысолов

Храм Девяти Пустынных Ветров стоял на скале так, словно вырос из неё, — или, вернее, словно скала и была первым камнем этого храма, заложенным задолго до людей. Жрецы, разумеется, придерживались именно этой версии.

Хэйрам придерживался другой: храм построили люди, и люди же привели за собой крыс.

— Третий ярус, — говорил младший жрец, спускаясь впереди него по ступеням. — Там хуже всего. Они прогрызли мешки с ритуальным зерном.

Факел в руке жреца чадил и плевался. Масло было скверное, и Хэйрам отметил это по привычке: храм экономит на мелочах. Значит, крупное где-то припрятано.

— Ритуальное зерно, — повторил он.

— Для подношений. Освящённое.

— Крысам всё равно.

Жрец обернулся, и в его глазах мелькнула обида, не за себя, а за божество. Хэйрам видел такие глаза не раз. Жрецы верили искренне, пока были молоды, потом по привычке, а к старости не верили вовсе, зато изображали веру лучше всех. Этот был молодой.

— Им не всё равно, — сказал жрец. — Зерно для бога, а жиреют они.

Хэйрам промолчал. За сорок три года он усвоил, что спорить с верующим бесполезно, а с тем, кто платит, ещё и убыточно.

На третьем ярусе их встретил запах, знакомый Хэйраму, как собственное дыхание: прелое зерно, помёт, тухлая вода и что-то сладковатое, от чего мутит. Так пахнет крыса, которая сдохла в своей норе, не найдя выхода. Жрец прижал рукав к носу, а Хэйрам, наоборот, втянул воздух глубже и сразу понял, что крыс здесь много, живут они давно и ходят одними и теми же тропами.

— Здесь, — жрец показал на дальнюю стену, где темнели провалы в кладке, — и здесь, и…

— Я понял. Покажите остальное.

Они пошли по коридору, и Хэйрам считал двери. Семь были обычные, с засовами, за ними кладовые. Восьмая была железная, с печатью жёлтого воска размером с детский кулак.

— Это? — спросил он.

— Не твоё дело, — ответил жрец слишком быстро.

Хэйрам кивнул. Железная дверь с восковой печатью на третьем подземном ярусе храма — совершенно точно не его дело.

— Мне нужно осмотреть всё, — сказал он ровно. — Крысы не разбирают, какие двери ваши, а какие божьи.

Жрец заколебался всего на мгновение, но Хэйраму хватило и этого. За дверью лежало то, чего младшему жрецу не позволено было показывать и о чём не позволено было говорить.

За такими дверями обычно хранят реликвии: вещи, которые тем святее, чем меньше людей их видели.

— Там чисто, — сказал наконец жрец. — Дальше всё.

Они повернули. Хэйрам успел заметить, что коридор уходит за железную дверь ещё шагов на двадцать и кончается лестницей. Выход? Или вход. Он запомнил.

К вечеру Хэйрам закончил осмотр и сговорился со старшим жрецом о цене: четыре серебряных ханаха за работу, два вперёд, сроку три ночи. Потом спустился по пыльной дороге в посёлок, к глинобитному дому на краю арыка, где его ждал Марава.

— Хороший заказ? — спросил Марава, не поднимая головы. Он чинил старую тонкую сеть, которой ловили песчаных ящериц.

— Обычный, — ответил Хэйрам.

— Храм Ветров — необычный.

— Крысы везде одинаковы.

Марава поднял глаза. Ему было двадцать четыре, и он был похож на мать, первую жену Хэйрама, которая умерла, когда сыну едва исполнилось семь. У него была та же вертикальная складка между бровей, появлявшаяся, когда он чуял ложь, и та же привычка молчать, пока собеседник не выговорится до дна.

— Ужин на очаге, — сказал Марава. — Арис варила.

Хэйрам кивнул и прошёл в дом.

Ел он молча и всё думал о железной двери, о восковой печати и о лестнице в конце тёмного коридора.

Четыре серебряных ханаха — это месяц скромной жизни. Два, если жить так, как они жили последние три года: после неурожая, после засухи, после того как торговый путь сместился на полдня южнее и посёлок начал понемногу умирать.

А за железной дверью лежало то, что стоило больше всех храмовых крыс, вместе взятых.

Хэйрам доел, вытер миску хлебом и решился.

Он вернулся в храм за полночь.

Луна стояла высоко, круглая и жёлтая. Здесь такую луну называли «монетой нищего»: светит ярко, а купить на неё нечего. Хэйрам пересёк двор в тени стены и спустился по знакомым ступеням. Факела он не взял. У него были огниво и три свечных огарка, которые он днём унёс из храмовой кладовой: мелкая кража перед крупной.

На втором ярусе он остановился и прислушался. Храм спал. Жрецы ночевали в верхних кельях, у алтаря несли службу двое дежурных, и Хэйрам, проходя мимо, видел их тени. Ниже не было никого.

На третьем ярусе в стенах возились крысы. Хэйрам усмехнулся: старые знакомые, помощники. Если его шаги кто и слышал, то только они.

Вот и железная дверь с восковой печатью.

Он достал нож, единственную ценность, оставшуюся от отца, — узкое лезвие тончайшей работы, каким снимают шкуру. Одним движением провёл им под печатью и отделил воск от металла так, что печать осталась целой. Если вернуть её на место, до утра никто не заметит, что дверь открывали, а к утру Хэйрам собирался быть далеко.

Петли оказались смазаны, и дверь поддалась неожиданно легко. Он зажёг первый огарок и вошёл.

Сначала ему показалось, что это кладовая. Но это было хранилище.

Помещение было невелико, десять шагов на восемь, с низким потолком. Стены покрывали письмена на языке, которого Хэйрам не знал, а вдоль них тянулись полки из чёрного камня.

Хэйрам медленно выдохнул.

На полках лежало богатство, и дело было не в золоте и серебре: здесь стояли вещи куда более редкие, за которые в тайных лавках Баграта отдали бы годовой заработок, не торгуясь.

Он подошёл ближе со свечой.

На первой полке стояла бронзовая фигурка человека с головой ибиса, в ладонь высотой, позеленевшая от времени. Рядом стоял кубок из диорита, тёмный, тяжёлый, отполированный до блеска. Дальше лежала связка из семи ключей. Ключи были медные, а кольцо, на котором они висели, — из чистого серебра.

На второй полке лежали свитки в запечатанных медных тубах, три ритуальные маски из тёмного дерева с прорезями для глаз и рта, слишком большие, чтобы унести их незаметно, и плоская резная шкатулка из кости какого-то крупного зверя. Хэйрам открыл её. Внутри было десять камней, каждый с фалангу пальца, все разного цвета и все гладко отполированные.

На третьей полке лежала связка глиняных табличек, слишком тяжёлая, и стояла статуэтка змеи, обвившей столб. Хэйрам взвесил её в руке: золото, не позолота. Только вещь приметная, такую не сбудешь.

А рядом висел небольшой кожаный футляр с ремнём, чтобы носить через плечо.

Хэйрам открыл его.

Внутри лежала коробочка, квадратная, идеально ровная, размером с кулак. Она была не кожаная, как футляр, а из чего-то гладкого, матово-чёрного и прохладного на ощупь, и Хэйрам не мог понять, металл это или камень. На одной грани был вырезан незнакомый знак. Из коробочки тянулись нити, свёрнутые в аккуратный клубок. Они были тонкие, как конский волос, но не поддались, когда он потянул.

Он открыл коробочку. Внутри была пустая полость сложной формы, с множеством изгибов и граней.

Странная, непонятная вещь, но маленькая, лёгкая, явно ценная и явно неполная. Такие вещи в Баграте любят: загадки продаются дорого.

Хэйрам закрыл коробочку и положил её обратно в футляр.

Времени оставалось мало.

Он работал быстро, как привык: без жадности и без лишней скромности. В мешок пошли бронзовый ибис и связка ключей на серебряном кольце. Костяную шкатулку он тоже взял, а камни в ней обернул тряпицей, чтобы не звенели. Кожаный футляр с чёрной коробочкой надел через плечо, под рубаху.

Уходя, он вернул восковую печать на место и прижал её лезвием ножа. Воск лёг как надо. Опытный глаз, конечно, заметит следы, но только утром, когда будет поздно.

Наверх Хэйрам пошёл не той лестницей, по которой спускался, а другой, в конце коридора. Она вывела его к задней стене храма, где выход прятали от чужих глаз кусты жёлтого тамариска.

Луна всё ещё светила.

Держась тени, Хэйрам спустился к посёлку.

Побег

Спать он не стал.

Он собрал то немногое, что стоило брать: инструменты, одежду, кожаный бурдюк для воды. Добычу спрятал в двойное дно дорожной сумки, которую сшил три года назад для другого дела. То дело так и не случилось.

Небо на востоке только начинало сереть, когда он толкнул дверь в комнату Маравы.

Сын спал рядом с женой. Арис лежала на боку, подогнув колени к животу, как спят те, кто привык к холоду. В углу на циновке спал Олу, брат Арис. Он пришёл к ним месяц назад, когда его выгнали с медных копей за драку с десятником.

Хэйрам тронул Мараву за плечо.

— Вставай.

Марава открыл глаза сразу, без следа сна, как человек, который и во сне ждал беды.

— Что?

— Собирайся. Быстро. Разбуди остальных.

— Что случилось?

Хэйрам помедлил. Он знал, что сейчас скажет, и знал, что после этих слов дороги назад не будет. Всю жизнь он выбирал за себя, а теперь выбирал за них.

— Мы уходим. Все. Если останетесь, за вами придут.

Марава сел на постели. Материнская складка между бровей прорезалась глубже.

— Отец. Что ты сделал?

Хэйрам не ответил. Он уже шёл к двери.

— Собирайтесь. У нас час до рассвета.

Они ушли, когда первый луч солнца коснулся верхушки храмовой башни, той самой, под которой Хэйрам накануне говорил с младшим жрецом о крысах и освящённом зерне.

Их было четверо. Хэйрам шёл впереди, за ним Марава, потом Арис, а Олу замыкал. Каждый нёс узел, и все молчали.

Молчали часа два, пока посёлок не скрылся за барханами, пока песчаная тропа не вывела их на старый караванный путь и солнце не поднялось так высоко, что тени стали короче человеческого роста.

Тогда Марава остановился.

— Теперь рассказывай.

И Хэйрам рассказал, коротко и без оправданий: про храм, про железную дверь и про всё, что за ней взял. Последней он назвал странную коробочку в кожаном футляре, пустую внутри, с какими-то нитями.

— В Баграте есть люди, — сказал он. — Торговцы. Они берут такое и не спрашивают откуда. Платят.

— Сколько? — спросил Олу.

— Достаточно, чтобы начать заново. Новое место, новое дело, новая жизнь.

— Или чтобы нас нашли и повесили. — Марава говорил ровно, но в глазах у него было упрямство. — Храмовые реликвии, отец. Это не курятник обокрасть. Жрецы пошлют стражу, стража пошлёт гонцов, и к вечеру наши приметы будут знать в каждом посёлке отсюда до границы.

— Поэтому мы идём в Баграт. Там граница, там другие законы.

— Там скупщики краденого, — сказала Арис. — В южных царствах за это вешают.

— Мы не в южных царствах.

— Пока нет.

Они стояли на караванной тропе, четыре человека посреди песка, под солнцем, которое уже начинало жечь. Вокруг не было ничего живого, кроме ящериц да верблюжьей колючки, цеплявшейся за песок.

— Поздно спорить, — сказал Олу. Он смотрел назад, на горизонт. — Обратно нельзя.

— Почему? — спросила Арис.

Олу показал рукой. Далеко, там, где песок сливался с небом, поднималось облако пыли. Маленькое, но оно двигалось.

— Всадники. Шесть или семь. Идут быстро.

Хэйрам не обернулся.

— Идём. До Баграта два дня. Если срезать через ущелье, полтора.

Марава не двинулся с места.

— Если нас поймают, мы умрём из-за твоей жадности.

— Если не поймают, будем жить из-за неё же.

— Это не жадность. — Марава наконец шагнул, но не к отцу, а мимо него, вперёд по тропе. — Это безумие.

Он пошёл, Арис за ним. Олу в последний раз оглянулся на облако пыли и двинулся следом.

Хэйрам постоял ещё мгновение. Кожаный футляр под рубахой прижимался к рёбрам, лёгкий, почти невесомый.

Что я украл?

Он пошёл за своей семьёй.

Баграт

Они добрались до города на третий день: через ущелье идти не рискнули, там слишком легко устроить засаду.

Баграт встретил их шумом, запахами и тем чувством, которое знакомо всякому, кто бывал в торговых городах на границе: здесь можно всё купить, всё продать, и никто не задаст лишних вопросов.

Город лежал в седловине между двумя песчаными грядами и был последним городом царства перед южной пустыней. Великий торговый путь проходил через него, как нитка через бусину: на восток, к морю и портовым городам, и на юг, через пески, к далёким царствам, о которых рассказывали небылицы. Здесь останавливались караваны и меняли верблюдов, и здесь оседала пыль с половины мира. Пыль эта стоила денег.

Главный базар занимал площадь, на которой уместился бы весь их посёлок. Ряды тянулись лабиринтом: ткани, пряности, медь, кожа, рабы, скот, оружие. А где-то в глубине, за неприметными дверями, начинался другой рынок, о котором вслух не говорили.

Хэйрам нашёл его на второй день.

Человека, к которому его направили, звали Фаммуз. Он был невысокий, лысый, и глаза у него улыбались отдельно от лица. Добычу он осматривал молча: брал каждую вещь, взвешивал на ладони, подносил к свету. За ибиса назвал цену, за ключи тоже. Над костяной шкатулкой задумался, перебрал камни пальцами и назвал цену выше, чем за всё остальное вместе.

Потом Хэйрам достал футляр с коробочкой.

Фаммуз открыл её, посмотрел, закрыл и открыл снова. Глаза у него перестали улыбаться.

— Где ты это взял?

— Неважно.

— Важно. — Фаммуз положил коробочку на стол осторожно, как кладут змею. — Ты знаешь, что это?

— Реликвия. Храмовая.

— Не просто реликвия. — Он провёл пальцем по краю коробочки, по странному знаку на грани. — Таких всего несколько. Очень мало людей знают, что они существуют. Ещё меньше знают для чего.

— Для чего?

Торговец посмотрел на него долгим взглядом.

— Не знаю. Никто не знает. Но есть люди, которые заплатят за это много. Очень много. — Он помедлил. — Только есть одна загвоздка.

— Какая?

Фаммуз открыл коробочку и показал пустую полость внутри.

— Здесь чего-то не хватает. Видишь? Сюда что-то вставляется. Без этого… — он пожал плечами, — просто коробочка. Красивая, странная, редкая. Но мёртвая.

— Мёртвая?

— Неработающая. — Он закрыл коробочку. — Говорят, когда недостающая часть на месте, она работает. А когда работает… — Он не договорил.

— Сколько? — спросил Хэйрам.

Цену торговец назвал хорошую: на неё можно было снять дом, начать дело и год жить без забот.

— А если найти недостающее?

— Тогда в десять раз больше. В двадцать. А может, и в сто. Но недостающее найти трудно. Я слышал о таких вещах, но никогда их не видел. Может быть, их и нет на свете.

Хэйрам забрал коробочку.

— Я подожду.

Фаммуз кивнул. Удивлённым он не выглядел.

Пять лет

Они остались в Баграте.

Погоня, которую они видели на горизонте, их так и не догнала. Может быть, храмовая стража потеряла след в песках или не захотела связываться с Багратом, где были свои законы. А может быть, жрецы и сами не хотели, чтобы кто-нибудь узнал, что хранилось в их подвалах.

На деньги от проданных реликвий Хэйрам снял небольшой глинобитный дом с плоской крышей и двором, где хватало места для пары коз. Олу нашёл работу: сперва грузчиком на рынке, потом помощником караванщика. Марава долго не знал, за что взяться. Пробовал торговать, прогорал, начинал снова и в конце концов научился. Арис вела хозяйство и молилась о ребёнке, но год проходил за годом, а детей всё не было.

Коробочка лежала в сундуке, завёрнутая в тряпицу. Иногда ночью, когда не спалось, Хэйрам доставал её, открывал и смотрел на пустую полость.

Он расспрашивал осторожно, чтобы не привлекать внимания: торговцев редкостями, скупщиков древностей, стариков, которые помнили рассказы своих отцов. Слышали все, но смутно, обрывками: что такие вещи существуют, что в них вставляется какая-то часть и тогда они «работают». Но что именно вставляется и как они работают, не знал никто.

На третий год жизни в Баграте Хэйрам начал кашлять.

На четвёртый кашель стал кровавым.

На пятый он умер.

Это случилось тихо, ночью, во сне. Утром Марава нашёл его: отец лежал на спине, с закрытыми глазами и спокойным лицом. В руке он сжимал коробочку, всё ещё пустую.

Марава похоронил отца за городской стеной, там, где хоронили чужих, не принадлежавших ни к одной из здешних общин. Над могилой он произнёс слова, которые помнил с детства. Молитвой это не было, скорее прощанием.

Коробочку он положил обратно в сундук.

Находка

Прошло ещё семь лет.

Марава торговал теперь на обычном рынке тканями из восточных портов и пряностями с юга. Дело шло ровно: он не богател, но и не беднел. Олу стал караванщиком и ходил через пустыню. Возвращался он раз в два-три месяца, загорелый до черноты, с мешком денег и историями, половина которых была враньём. Арис вела дом и счета: оказалось, что считает она лучше, чем Марава когда-нибудь научится.

В тот день Марава ходил по рядам и искал новую бечеву для тюков: старая перетёрлась.

Бечеву он нашёл и уже собирался уходить, когда взгляд зацепился за лоток в углу площади.

За лотком сидел седой сморщенный старик. Перед ним на тряпице лежала мелочь: потемневшие монеты, осколки, бусы из мутного стекла, всякий хлам, оставшийся от чьей-то жизни или из разрытых могил.

И среди этого хлама лежал кристалл.

Марава остановился.

Кристалл был размером с два пальца, полупрозрачный, чуть дымчатый, странной угловатой формы, словно кто-то вырезал его по невидимому лекалу. Внутри него что-то едва заметно мерцало, как угасающая искра.

Сердце ударило один раз, сильно.

Он знал эту форму.

Семь лет он не открывал отцовский сундук. Семь лет не доставал коробочку и не смотрел на пустую полость внутри.

«Не может быть, — подумал Марава. — Здесь, на этом рынке, у этого старика?»

— Сколько? — спросил он, и голос показался ему чужим.

Старик поднял мутные глаза и посмотрел на Мараву, потом на кристалл, потом снова на Мараву. Взгляд его изменился: в нём проснулось то острое, торговое, что не умирает даже в самых дряхлых рыночных душах.

— Серебряный, — сказал старик.

Марава не стал торговаться. Он бросил на тряпицу монету и схватил кристалл. Старик что-то говорил ему вслед, то ли благодарил, то ли предлагал ещё товар, но Марава не слышал.

Всю дорогу до дома он шёл быстро, почти бегом, и твердил себе: совпадение. Просто похожая форма. Мало ли на свете странных камней?

Но руки, сжимавшие кристалл, знали лучше.

Голос

Он вбежал в дом, не сняв сандалий.

— Марава? — окликнула Арис из внутренней комнаты. — Что случилось?

— Ничего. Погоди.

Он открыл сундук, достал тряпицу и развернул её. Коробочка была такой же, как семь лет назад: чёрная, матовая, прохладная на ощупь.

Марава открыл её. Полость внутри обнажила острые грани.

Он посмотрел на кристалл у себя в руке. Мерцание в нём стало чуть ярче.

Медленно, осторожно он поднёс кристалл к коробочке и примерил.

Форма совпала до последнего изгиба.

Он вставил кристалл.

Раздался щелчок, тихий, почти неслышный, но Марава почувствовал его всем телом.

Мгновение ничего не происходило.

А потом кристалл вспыхнул.

Мерцание внутри разгорелось в тёплый золотистый свет, и свет этот будто дышал.

Тонкие нити, смотанные в основании коробочки, зашевелились сами собой. Плавно, как змеи из гнезда, они выскальзывали из пазов, разматывались и тянулись к его руке, словно знали дорогу.

Марава хотел отбросить коробочку, но тело не слушалось.

Нити коснулись кожи, тёплые и живые. Виток за витком они обвивали предплечье и находили на нём какие-то точки, о которых Марава и не подозревал. Там, где нить ложилась, загоралось мягкое золотое свечение.

На седьмом витке нити остановились.

Свет бился в ритме, который не совпадал с ударами его сердца. Другой ритм. Чужой.

И тогда он услышал голос.

Спокойный и глубокий, он звучал не в ушах, а внутри: в голове, в груди, везде и нигде сразу.

Голос произнёс одно слово:

Смаух.

Глава вторая

Субстрат

Любая достаточно развитая цивилизация рано или поздно задаётся вопросом: почему реальность именно такова? Как она устроена, выясняется сравнительно быстро, за какие-нибудь несколько тысячелетий экспериментов. Труднее ответить на вопрос «почему». Почему константы имеют такие значения? Почему законы физики работают так, а не иначе? Почему вообще есть нечто, а не ничто?

Большинство цивилизаций, дойдя до этого вопроса, изобретают бога. Некоторые — нескольких. Это элегантное решение: оно закрывает вопрос, не отвечая на него, и позволяет заняться более насущными делами.

Но иногда цивилизация оказывается достаточно упрямой, чтобы копать дальше.

Тогда она обнаруживает Субстрат.

Физики, открыв квантовую механику, столкнулись с парадоксом: частица, не наблюдаемая никем, существует во всех возможных состояниях одновременно. Стоит на неё посмотреть, и она «выбирает» одно состояние, словно стыдясь собственной неопределённости. Этот процесс назвали декогеренцией и на этом успокоились, решив, что вопрос закрыт.

Вопрос не был закрыт. Он даже не был правильно задан.

Декогеренция — не выбор одного состояния из многих. Это разделение. Каждый раз, когда частица «выбирает», реальность ветвится. Все варианты реализуются, просто в разных ветвях. Мы, наблюдатели, оказываемся в одной из ветвей и видим только её, принимая часть за целое.

Но ветви реальности не висят в пустоте. Они растут из общего корня.

Этот корень — Субстрат.

Объяснить, что такое Субстрат, примерно так же просто, как объяснить слепому от рождения, что такое красный цвет. Можно говорить о длине волны, о возбуждении колбочек сетчатки, о нейронных паттернах в зрительной коре — и всё это будет правдой, и всё это не будет иметь ни малейшего отношения к тому, как выглядит закат над морем.

Субстрат — это то, из чего растёт реальность. Не материя, не энергия, не пространство и не время. Информационная структура, предшествующая всему перечисленному. На уровне Субстрата нет разделения на параллельные миры. Там нет пространства в привычном смысле — и времени тоже нет, потому что время возникает позже, вместе с разделением.

Метафора, которой пользуются Наблюдатели, — дерево. Субстрат — корни и ствол. Ветви реальности растут из него вверх, расходясь всё дальше друг от друга. Мы живём на кончиках веток, среди листьев, и принимаем свою ветку за весь мир.

Но ветви помнят, что когда-то были одним стволом.

Декогеренция создаёт барьеры между ветвями. На поверхности, где мы живём, они абсолютны: вы никогда не встретите себя из параллельного мира, никогда не узнаете, как сложилась бы ваша жизнь, если бы в тот вторник вы повернули налево, а не направо. Ветви разошлись слишком далеко.

Никогда — если вы не умеете спускаться к корням.

Чем глубже к Субстрату, тем ближе ветви друг к другу. Там, внизу, барьеры истончаются. А в самом Субстрате их нет вовсе, потому что там ещё нет разделения. Там всё едино, как в первые мгновения после Большого взрыва, когда четыре фундаментальные силы были одной.

Это знание изменило историю нескольких цивилизаций. Одни использовали его во благо. Другие — нет.

Агрессоры

В одной из ветвей реальности развилась цивилизация, которую Наблюдатели обозначили в своих реестрах как «Ветвь-9-Эпсилон-Доминант».

Сами они называли себя иначе. Имена менялись вместе с политическими режимами, но интонация оставалась прежней: мы лучше знаем.

Высокомерием они это не считали. Для них это было очевидностью. Они действительно были развиты. Голод, болезни и нищета остались у них в прошлом, и каждый гражданин имел доступ к образованию, медицине и культуре.

К тому времени, когда они открыли Субстрат, они уже контролировали обширные территории в своей ветви реальности. Слово «контролировали» здесь ещё вежливое. Сами они предпочитали говорить, что несут просвещение.

Разве не логично, что менее развитые должны учиться у более развитых? Разве не гуманно помочь отстающим пройти путь, который ты уже прошёл?

Никто не спрашивал, хотят ли те, чтобы им помогали. И никто не замечал, что для принятия чужого порядка нужно сперва уничтожить свой. Насилие было не искажением этого просвещения, а самой его сутью. Коренные культуры это понимали. Но их мнения не попадали в официальные отчёты.

Потом они заглянули в Субстрат и увидели другие ветви.

Бесконечное множество реальностей, цивилизаций, миров, которые ещё не знали преимуществ их порядка.

Соблазн был непреодолим.

Обычное оружие между ветвями бесполезно. Барьеры декогеренции непроницаемы, и ничто не может пересечь границу между разошедшимися реальностями.

Но каждая ветвь растёт из Субстрата и держится на нём, как сук на стволе, в той точке, где когда-то отделилась от общего корня.

Они нашли эти точки. И научились их рассекать.

Отрезанная ветвь не взрывалась и не горела. Она тихо переставала быть, как сон, который забываешь, проснувшись. Люди, города, целые поколения истории — всё, что на ней существовало, разматывалось обратно в Субстрат. Оно не умирало. Его просто никогда не было.

Субстрат был их садом.

Садовник срезает лишние побеги, чтобы нужная ветвь росла сильнее. Они считали себя Садовниками.

Наблюдатели называли их Агрессорами.

Наблюдатели

Наблюдатели узнали об угрозе ещё до того, как она стала замыслом.

Они существовали так долго, что само понятие времени применительно к ним требовало оговорок. Они давно покинули биологическую оболочку, давно перестали быть привязаны к одной ветви, давно научились жить частично в Субстрате, видя древо реальности целиком: прошлое, настоящее, возможные варианты будущего.

Они видели, что сделают Агрессоры, если их не остановить. Война между ветвями оставит шрамы на ткани Субстрата, а за ней начнётся каскадный коллапс, цепная реакция, способная обрушить не одну ветвь и не десять, а значительную часть древа.

Вопрос был в том, что делать.

Руководствуясь Протоколом, Наблюдатели приняли программу «Мягкого сдвига». Не уничтожать Агрессоров. Не изолировать. Изменить. Проникнуть в их прошлое, в эпохи, когда самой идеи их порядка ещё не было, и сдвинуть акценты.

Не переписывать историю. Смещать.

Не все Наблюдатели были согласны с этим решением. Но об этом — позже.

База

Наблюдатели пришли в ветвь Агрессоров задолго до самих Агрессоров и создали там базу.

Она была спрятана в складках пространства, сдвинута на полшага от обычной реальности. Для местных жителей этого места не существовало: их глаза скользили мимо, их ноги обходили стороной, их мысли не задерживались.

Внутри база выглядела так, как хотели её обитатели. Наблюдатели давно утратили потребность в фиксированной форме, но для работы в материальном мире им требовались материальные якоря. Поэтому в базе были коридоры, залы и помещения, а сами Наблюдатели принимали формы, способные ходить по этим коридорам, сидеть в этих залах, работать с оборудованием.

Форма была вопросом удобства и личного выбора.

На базе работала группа из двенадцати Наблюдателей-операторов. Двенадцать — не сакральное число, просто столько требовалось для программы такого масштаба в этом регионе воздействия. Другие группы работали в других регионах, в других эпохах.

Операторы не были едины во мнениях. Принцип невмешательства, которым руководствовались Наблюдатели, допускал толкования. Насколько мягким должно быть влияние? Где граница между подсказкой и манипуляцией? Можно ли спасти человека от смерти, если его смерть повернёт ход событий? Стоит ли дать погибнуть человеку, если он своим существованием угрожает тысячам других?

Споры шли постоянно, тихие, вежливые, растянутые на десятилетия, но от этого не менее острые.

Смаух принадлежал к тем, кто считал: влияние должно быть более прямым. Не грубым, не жестоким, но прямым. Шёпот хорош, но иногда нужен голос. Нельзя ждать вечно, надеясь, что нужная идея прорастёт сама собой. Иногда нужно найти правильного человека и говорить с ним самому.

Это была позиция меньшинства. Большинство операторов предпочитали минимальное вмешательство, едва заметные касания, работу на грани обнаружения.

Смаух не спорил. Он просто работал по-своему.

Контакт

Сигнал пришёл неожиданно.

Смаух находился в одном из рабочих помещений базы, анализируя данные по очередной точке воздействия. Форма, которую он принял в тот день, была функциональна и ничем не примечательна.

Канал связи активировался сам — старый канал, давно мёртвый. Смаух помнил этот проект. Два поколения назад, неудачный субъект. Части резонатора разделились: одна осталась в храмовом хранилище, вторая пошла по рукам, и канал умолк. Резонатор был парный, и каждая его часть работала только со своей парой. Проект закрыли, канал списали как утраченный.

И вот теперь он работал. Кто-то нашёл обе части и соединил их.

Смаух принял сигнал.

На другом конце связи было сознание. Не Наблюдатель — человек. Местный житель. Смаух ощущал его страх, его изумление, его отчаянную попытку понять, что происходит.

Несколько мгновений Смаух решал, что делать. По правилам следовало прервать связь, определить местоположение резонатора, изъять его, стереть человеку память о контакте. Стандартная процедура при несанкционированном доступе.

Но Смаух медлил.

Он видел этого человека — не глазами, а через канал связи, через нити нейроинтерфейса, обвившие чужую руку. Видел его прошлое: отец-крысолов, украденные реликвии, бегство через пустыню, годы в торговом городе на границе. Видел настоящее: жена, дом, построенный из осторожных надежд. Видел потенциал — смутный, неоформленный, но настоящий.

Человека звали Марава.

Смаух произнёс своё имя.

На другом конце связи — молчание. Не пустота, а именно молчание: человек слышал и пытался осмыслить.

Смаух ждал.

Он думал о вероятностях. Кристалл, потерянный десятилетия назад, мог оказаться где угодно. Мог быть растоптан, закопан, выброшен как мусор. Мог лежать в земле до тех пор, пока сама земля не перестанет существовать. Вероятность того, что его найдёт человек, ничтожна. Вероятность того, что этот человек окажется владельцем коробочки, исчезающе мала.

И тем не менее.

Человек по имени Марава увидел кристалл на рыночном лотке среди хлама. Узнал форму, которую видел семь лет назад. Купил. Принёс домой. Активировал. Как будто знал.

Смаух перебирал данные, полученные через нейроинтерфейс. Образование — минимальное. Профессия — торговец тканями. Никаких знаний о технологиях, о природе реальности. Обычный человек из обычного торгового города на краю пустыни.

И всё же он узнал форму с первого взгляда и почувствовал, что эти две вещи — одно целое.

Это могло быть случайностью. Наблюдатели знали, что случайности существуют как неизбежная часть статистики. Они видели их в структуре Субстрата, в спорадическом ветвлении реальности, в бессмысленных совпадениях, которые иногда меняют ход истории.

Но Смаух не верил в случайности такого порядка.

Сам по себе этот человек ничего не значил. Значение имело то, что всё сошлось на нём.

Смаух решил посмотреть, что из этого выйдет.

Глава третья

Имя

Марава стоял неподвижно.

Нити обвивали предплечье семью тугими витками, от запястья до локтя. Там, где они касались кожи, билось тепло: не жар, а что-то живое, ритмичное, чужое.

Смаух.

Слово отдавалось в сознании, как камень, брошенный в воду. Круги расходились, а камень оставался на дне.

Марава понимал, что нужно что-то сказать, спросить, но язык не слушался, а мысли путались и цеплялись друг за друга.

Голос заговорил снова. Это был не звук, а понимание, которое возникало напрямую, минуя уши:

Ты боишься. Это разумно. Но страх тебя не остановил — ты всё ещё держишь резонатор. Это тоже разумно.

— Кто ты?

Я назвал тебе своё имя.

— Имя — не ответ.

Голос помолчал.

Верно. Тогда скажи, какой ответ тебя устроит. Если я скажу «бог» — ты поверишь? Если скажу «дух» — поверишь? Если скажу, что я путник из далёкой страны и голос мой доходит до тебя путями, которых ты не способен понять, — это будет ближе к правде, но поможет ли тебе?

Марава промолчал.

Я тот, кто говорит с тобой сейчас. Тот, кто видит тебя — не глазами, иначе. Тот, кто знает о тебе больше, чем ты сам. Этого достаточно.

— Достаточно для чего?

Для начала.

Марава посмотрел на коробочку. Чёрный матовый куб, кристалл внутри, нити, которые тянулись от него к руке. Вещь из храмового хранилища.

— Эта вещь твоя?

Была. Я потерял её давно. Думал, что навсегда.

— Мой отец украл её.

Я знаю. Я видел его — тогда и потом. Видел, как он искал недостающее. Как не нашёл.

— Ты мог вернуть её раньше. Мог найти его. Почему не нашёл?

Потому что он был не тот, кто мне нужен. Мне нужен ты.

— Почему?

Потому что он искал и не нашёл. А ты нашёл, не ища.

— Я просто… узнал форму.

Да.

— Это была случайность.

Нет.

Одно слово — но оно прозвучало с такой уверенностью, что Марава замолчал.

— Что ты хочешь от меня?

Чтобы ты ушёл. Чтобы ты слушал. Чтобы ты делал то, что я скажу, — когда я скажу, и так, как я скажу. Взамен…

Марава ждал.

Взамен я дам тебе то, чего у тебя никогда бы не было. Твоё имя будут помнить. Твои потомки будут многочисленны. То, что ты построишь, переживёт тебя — и твоих детей, и детей твоих детей. Ты изменишь мир, Марава. Не сегодня. Не завтра. Но изменишь.

— Как?

Этого я пока не скажу. Ты не готов понять. Но ты поймёшь — когда придёт время.

— Потомки, — сказал Марава. — У меня нет детей. Двенадцать лет мы с Арис ждём.

Будут.

— Откуда ты знаешь?

Знаю.

Марава хотел спросить ещё, как и почему, но что-то его остановило. Может быть, тон голоса, а может быть, чувство, что есть вопросы, ответ на которые он не готов услышать.

— Куда я должен идти?

На юг. За пустыню. Там лежат земли, которые не принадлежат никому. Племена, кланы, мелкие вожди — они воюют друг с другом и не видят дальше своих границ. Там ты начнёшь.

— А если я откажусь?

Тогда я отпущу тебя. Ты снимешь резонатор, положишь его обратно, забудешь этот разговор. Проживёшь жизнь здесь. Умрёшь здесь. Через три поколения никто не вспомнит твоего имени.

Голос помолчал и добавил:

Это не угроза. Так живёт большинство. В этом нет ничего дурного. Но ты спросил.

Марава закрыл глаза.

Двенадцать лет назад отец поднял его до рассвета и сказал: уходим. Марава тогда назвал это безумием — и всё равно пошёл. Потому что семья. Потому что не было выбора.

Теперь выбор был.

— Мне нужно подумать, — сказал он.

Думай.

Нити на его руке ослабли, тепло ушло, и биение стихло.

Марава стоял посреди комнаты и смотрел на коробочку. Нити лежали на руке, тусклые и неподвижные.

Арис

Она ждала за дверью.

Когда Марава вышел, Арис посмотрела на его руку. Нити почти не были видны на смуглой коже. Коробочку он держал в другой.

— С кем ты говорил? — спросила она.

Марава сел на порог. Ноги не держали.

— С голосом. Внутри. Когда нити обвились вокруг руки — я услышал. Не ушами. Здесь. — Он коснулся виска.

— Что за голос?

— Он назвал себя Смаух.

Арис молча смотрела на него, потом села рядом.

— Рассказывай.

И Марава рассказал — про кристалл, про нити, про голос.

Про то, что голос сказал.

Арис слушала, не перебивая. Когда он закончил, она перевела взгляд на коробочку.

— Он хочет, чтобы ты ушёл.

— Да.

— На юг. В земли, где племена режут друг друга за колодцы.

— Да.

— И ты хочешь идти.

Это не было вопросом. Марава всё равно ответил:

— Я не знаю. Он дал мне время подумать.

Арис встала, подошла к краю двора и посмотрела на улицу.

— Двенадцать лет, — сказала она. — Мы живём здесь двенадцать лет. Я знаю каждую торговку на рынке. Знаю, где мука получше, а где подешевле. Знаю, как пахнет этот город утром и вечером. Это не много, но это — наше.

— Я знаю.

— И теперь голос из коробочки говорит: брось всё, иди в пустыню. — Она обернулась. — Ты понимаешь, на что это похоже?

— Понимаю.

— Ты сумасшедший.

— Возможно.

Арис моргнула.

— Возможно?

— Я не знаю, кто он. Я знаю только, что он есть. Что он говорит со мной. Что он хочет, чтобы я ушёл.

— Это может быть демон. Злой дух. Голодный призрак, который хочет увести тебя в пустыню.

— Может быть.

— И ты всё равно думаешь идти?

Марава посмотрел на коробочку.

— Голос сказал, что это не случайность. — Он поднял глаза. — И я ему верю. Не потому, что он бог или демон. Сам так чувствую.

Арис долго смотрела на него, потом отвернулась.

— Мне нужно подумать, — сказала она. — Не сегодня. Не завтра. Дай мне время.

Она ушла в дом. Марава остался сидеть на пороге, держа в руках коробочку.

Решение

Пять дней они жили так, будто ничего не произошло.

Арис готовила еду, ходила на рынок, чинила одежду. Марава торговал тканями, возвращался к закату, ужинал. Они разговаривали о ценах на зерно, о соседской козе, которая снова забрела в их двор, о том, что крыша протекает и надо бы залатать до сезона дождей.

О голосе не было сказано ни слова.

Коробочка лежала в сундуке, и Марава её не доставал, но не от страха, а потому что ждал, что решит Арис.

На шестую ночь он проснулся и увидел, что её нет рядом. Нашёл он её во дворе. Она сидела на земле, прислонившись спиной к стене, и смотрела на звёзды.

— Не спится, — сказала она, не оборачиваясь.

Марава сел рядом. Они долго молчали, потом Арис сказала:

— Я злюсь на тебя.

— Я знаю.

— Не потому, что ты услышал голос. Потому что ты хочешь идти. Потому что я вижу — ты уже решил. И теперь я должна решать тоже.

Марава не стал спорить. Она была права.

— Двенадцать лет я строила эту жизнь, — сказала Арис. — По камешку, по зёрнышку. Дом. Дело. Место, где меня знают по имени. И теперь ты говоришь — брось.

— Не я. Голос.

— Ты. — Она повернулась к нему. — Голос сказал — иди. Ты мог сказать — нет. Ты не сказал.

Марава молчал.

— Почему? — спросила Арис. — Почему ты веришь ему?

— Не знаю. Может, потому что отец много лет искал недостающее — и не нашёл. А я нашёл за один день, на рынке, среди мусора. — Он посмотрел на свои руки. — Либо это ничего не значит, либо значит всё.

Арис долго смотрела на него, потом снова отвернулась к звёздам. Больше они не говорили, пока небо на востоке не начало сереть.

Утром, за едой, Арис сказала:

— Олу вернётся через три недели.

Марава поднял глаза.

— Да.

— Мы будем его ждать?

— Нет.

Арис кивнула, будто знала ответ заранее.

— Он найдёт нас, — сказала она. — Если мы оставим весть — найдёт.

— Ты пойдёшь со мной?

Арис отложила лепёшку и посмотрела на него.

— Я пойду с тобой. Не потому, что верю голосу. Потому что верю тебе. Потому что ты — мой муж, и твоя дорога — моя дорога. — Она помедлила. — И потому что меня здесь не так уж много держит. Дом — не наш. Соседи — чужие. Детей нет. Что мне терять?

Она встала.

— Нам нужно несколько дней. Продать что можно, купить что нужно, оставить весть для Олу. И поговори с ним ещё раз — с этим Смаухом. Спроси, куда именно идти.

— Хорошо.

Арис вышла. Марава остался сидеть, глядя на пустую миску.

Он не знал, что их ждёт.
Но впервые в жизни это казалось правильным решением.

Глава четвёртая

Методы

Проблема влияния на прошлое развитой цивилизации сводится к проблеме масштаба.

Цивилизация — не организм. У неё нет центра, который можно поразить или исцелить. Она — сеть: миллионы узлов, миллиарды связей, и каждая связь влияет на каждую другую способами, которые даже Наблюдатели не могут смоделировать полностью. Изменить одну точку легко, но предсказать, как это изменение разойдётся по сети, невозможно.

Поэтому работа велась параллельно.

Группы операторов размещались в разных регионах ветви и в разных её временных слоях — не из-за ограничений, а ради специализации. Люди везде одни и те же, но одних кормит река и держит в повиновении разлив, других запирают в долинах горы, а третьих зовёт за горизонт море. То, что срабатывало в одном месте, проваливалось в другом. Универсального метода не существовало — или его пока никто не нашёл.

Первый подход был прямым. Операторы говорили с людьми сами — голосом, видением, обликом, который люди могли вынести. Подсказывали, предупреждали, указывали путь. Люди называли их по-разному, чаще всего богами, и слушались.

Метод давал слишком быстрые результаты. Культуры, построенные на прямом контакте с высшими существами, развивали зависимость. Они переставали решать сами, ожидая указаний сверху. Когда операторы отступали — а они всегда отступали, таков был протокол, — культуры либо застывали в ритуальном воспроизведении прошлого, либо рассыпались, либо начинали войны за право толковать волю ушедших.

Большинство групп отказались от прямого контакта после первых столетий. Те, кто не отказался, получали результаты яркие, но хрупкие: цивилизации вспыхивали и гасли, оставляя после себя руины и легенды.

Второй подход был противоположным: полное отсутствие контакта. Операторы не являлись, не говорили, не вмешивались в видимую реальность. Они работали со структурами глубже — с вероятностями, с «удачными совпадениями», с идеями, которые словно сами собой приходили в головы нужных людей в нужное время.

Метод был слишком чистым. Изменения шли так медленно, что терялись в шуме случайных флуктуаций. За тысячу лет непрямого воздействия культура сдвигалась на величину, которую прямой контакт давал за поколение. Сами Наблюдатели во времени ограничены не были, но у проекта срок был. Агрессоры в будущем ветви уже существовали как вероятность, и эта вероятность возрастала.

Между двумя крайностями лежало пространство компромиссов.

Некоторые группы работали через посредников: люди, отобранные по разным критериям, получали фрагменты знания и несли его дальше. Они становились пророками, мудрецами, основателями школ. Они не знали, откуда пришло знание, и это было важно: их искренность убеждала лучше, чем любое чудо.

Другие группы создавали системы: своды правил, ритуалы, практики, и к каждому правилу прилагалось объяснение, понятное людям своего времени.

Если человек каждый день совершает определённые действия, его мышление сдвигается — медленно, незаметно для него самого. Поколения, выросшие в системе, уже не представляли иного образа жизни.

Третьи внедряли идеи, рассчитанные на долгий рост. Поначалу такие концепции казались безобидными или даже малоперспективными, а через века прорастали чем-то большим.

Операторы, работавшие этим методом, планировали на тысячелетия вперёд. Они редко видели результаты своей работы.

Группа, в которую входил Смаух, не придерживалась единого метода.

Это было сознательным выбором. Регион, который они курировали, — перекрёсток торговых путей, зона смешения культур — не терпел жёстких систем. Идеи здесь возникали, сталкивались, умирали и возрождались в новых формах. Операторы адаптировались: работали через посредников, когда это было уместно; создавали системы, когда культура требовала структуры; а когда почва была готова, сеяли в неё идею, которая прорастёт через поколения.

Смаух экспериментировал больше других.

Он искал то, чего не было в арсенале, — метод, сочетающий глубину непрямого воздействия с силой прямого контакта. Идею, способную расти самостоятельно, без постоянной поддержки, но при этом достаточно мощную, чтобы менять вектор развития цивилизаций.

Он ещё не нашёл. Марава был очередным приближением.

Все группы работали независимо. Они знали друг о друге и обменивались данными, но усилий не координировали. Каждой группе было интересно, куда приведёт её собственный метод.

Пока ни одна не преуспела.

Агрессоры ещё не родились — с точки зрения линейного времени. Но Наблюдатели видели, к чему клонятся вероятности, как видят грозу по облакам на горизонте. Во многих вариантах будущего впереди была война между ветвями, а за ней коллапс.

И продолжали сеять зёрна, не зная, какие прорастут.

База

Смаух разомкнул связь.

Данные от нейроинтерфейса постепенно растворялись — пульс, нейронная активность, эмоциональный фон. Марава. Торговец тканями из Баграта. Через несколько дней он уйдёт в пустыню, потому что голос сказал идти.

— Нашёл нового?

Голос раздался от входа. Смаух не обернулся, он и так знал, кто это. Фаис.

— Я видела канал. Десятилетия молчания — и вдруг активация. Думала, сбой. Оказалось — ты.

— Резонатор был утерян. Теперь найден. Я ответил.

— Ты не просто ответил. — Она вошла. — Ты дал ему дорогу. Показал, куда идти. Пообещал награду. Это не ответ — это вербовка.

— Это предложение.

— Которое он не мог отклонить.

Ноин и Заэль появились следом.

— Мы слышали, — сказала Ноин. — Имя в веках. Потомки. Величие. Ты торгуешь с ним, Смаух. Как купец на базаре.

— Он и есть купец с базара. — Смаух чуть склонил голову. — И я дал ему хороший выбор.

— Нет. — Фаис остановилась напротив. — Ты даёшь ему иллюзию выбора. Это разные вещи.

Смаух посмотрел на неё.

— Разные?

— Ты проложил ему дорогу. Единственную, освещённую, с наградой в конце. Это не выбор. Это лабиринт с одним выходом.

— Выходов было два.

— Один из которых ты обесценил. «Проживёшь жизнь здесь. Умрёшь здесь. Через три поколения никто не вспомнит твоего имени». — Фаис качнула головой. — После такого кто выберет остаться?

Смаух помолчал.

— Ты видишь в этом торг, — сказал он. — А я вижу суперпозицию. — Он сделал шаг к ней. — До измерения частица существует во всех состояниях одновременно. Все пути реальны. Все — одинаково.

— И?

— А потом приходит наблюдатель. Смотрит. И один путь становится настоящим.

— Это коллапс. Случайность. Не выбор.

— Для кого — случайность?

Фаис не ответила.

— Частица не знает, в каком состоянии окажется, — продолжал Смаух. — Она не выбирает в нашем понимании. Но наблюдатель тоже не знает, что увидит. До последнего момента — не знает. Оба слепы. Оба в неведении. И именно поэтому — это свобода.

— Не понимаю связи с твоим торговцем.

— Связь прямая. — Смаух повернулся к Ноин и Заэль. — Вы говорите: я дал ему путь. Проложил дорогу. Это правда. Но я не создал эту дорогу. Она существовала и до меня — как одно из состояний суперпозиции. Пойти, не пойти, пойти позже, пойти с другими, не дойти. Бесконечные варианты. Все реальны. Все наложены друг на друга.

— И что изменилось?

— Он посмотрел. — Смаух выдержал паузу. — Я показал ему, что дорога есть. Но посмотрел на неё — он. Своими глазами, своим сознанием. И в этот момент — только в этот — один путь стал настоящим.

Заэль подала голос:

— Но ты направил его взгляд.

— Да. Как и любой, кто говорит любому другому о чём угодно. Каждое слово — направление взгляда. Каждый совет — сужение вариантов. Это не манипуляция, это взаимодействие. Это контакт между сознаниями.

— Разница в том, — сказала Фаис, — что ты знаешь больше него. Ты видишь дерево ветвей. Он видит лишь тень от листьев.

— И что?

— Он выбирает вслепую. Ты — нет.

Смаух кивнул.

— Верно. Я вижу больше.

— Асимметричный выбор — это и есть манипуляция.

Смаух долго не отвечал.

— Манипуляция — когда ты скрываешь варианты, — сказал он наконец. — Я не скрывал. Я сказал ему прямо: можешь остаться, это не позор, не грех, не ошибка. Обычная жизнь. Большинство живёт так. А он выбрал иначе.

— Потому что ты сделал «иначе» привлекательным.

— Потому что «иначе» и есть привлекательно. Не для всех — для него. Другой бы услышал моё предложение и отказался. Испугался бы. Или не поверил. Или предпочёл бы синицу в руках. Марава — не отказался.

— Потому что ты его выбрал.

— Потому что он меня выбрал. — Смаух развернулся к Фаис. — Я не искал его. Парный резонатор канала был потерян очень давно. Вероятность того, что кто-то из людей найдёт обе части и додумается их соединить, ничтожно мала. Этот нашёл, соединил и активировал связь. Я только ответил.

Молчание.

Потом Ноин сказала:

— Это не снимает вопроса. Ты показал ему один путь ярче другого.

— Да. Потому что один путь ярче другого. Я не придумал это. Не преувеличил. Если он пойдёт — его имя останется. Если нет — забудут. Это факт, не приманка.

— Факт, который ты выбрал озвучить.

— Факт, о котором он спросил. — Смаух выдержал её взгляд.

Фаис скрестила руки.

— Ты мог не начинать этот разговор вообще.

— Мог. И тогда резонатор остался бы мёртвым, человек — обычным торговцем, а мы продолжали бы сажать зёрна и ждать, какие прорастут.

— А это прорастёт? — спросила Заэль.

— Не знаю. Может — да. Может — нет. Может — через поколения, когда его внуки понесут дальше то, что он начнёт.

— Один человек не изменит культуру, — сказала Ноин.

— Один человек начнёт цепочку. Этого достаточно.

Фаис смотрела на него долго.

— Ты веришь в это? Или убеждаешь себя?

— Какая разница?

— Большая. — Она сделала шаг к нему. — Если ты веришь — ты можешь ошибаться, но честно. Если убеждаешь — ты уже знаешь, что неправ, и ищешь оправдания.

Смаух не отвёл взгляд.

— Я не знаю, прав я или нет. Никто из нас не знает. Мы работаем с вероятностями, не с гарантиями. — Он помолчал. — Но я знаю, что бездействие — тоже выбор. И тоже с последствиями.

Молчание.

— Протокол фиксирует разногласие, — сказала Ноин. — Ответственность на тебе.

— Я знаю.

Они уходили по одной. Фаис — последней.

У выхода она остановилась.

— Ты сказал: выбор — это взгляд, который делает путь настоящим.

— Сказал.

— Тогда ответь: чей взгляд делает настоящим путь Маравы? Его — или твой?

Смаух помолчал.

— Оба, — сказал он. — В этом и суть. Мы оба смотрим. Мы оба коллапсируем суперпозицию. Он выбирает за себя. Я выбираю — разговаривать с ним. Два выбора, два наблюдателя, одна реальность.

— А если твой выбор определяет его?

— Тогда и его — определяет мой. — Смаух отвернулся. — Это не кукольный театр, Фаис, и я не кукловод. Это запутанность сознаний, влияющих друг на друга. Ни один не первичен.

Фаис не ответила и вышла.

Смаух остался один.

Где-то в Баграте человек по имени Марава сидел на пороге своего дома, держал в руках погасшую коробочку и думал о пустыне.

Выбирал.

Или уже выбрал.

До коллапса волновой функции — это одно и то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.